

ВОСПЕТЫЙ ГЕНИЕМ

Т. А. ГУРИЕВ,
доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом
осетинского языкознания СОИГСИ им. В.И. Абаева

1.1. В творческом наследии К.Л. Хетагурова каждое произведение занимает свое особое место. Даже самая незначительная деталь выполняет свою особую роль в многоцветии его сборника «Осетинская лира» («Ирон фендыр»). Едва ли не каждая строка является весьма значимой единицей, изъять или заменить которую просто невозможно, иначе система его взглядов и творений понесет заметный урон.

1.2. В предлагаемой заметке мы хотели бы вернуться к вопросу, который в прошлом столетии был предметом обсуждения. Мы имеем в виду вопрос об адресате стихотворения «Салам» («Привет») Коста Хетагурова. Позволим себе привести это стихотворение в оригинале и подстрочном переводе.

САЛАМ

Хуыцауасей арфæгонд нæ фæстæм,
 Нæ сæртæ нал сæсты нæ бар
 Æмæ дзæбæх зæгъынхъом не стæм
 Дæуæн, фæлæ нын сæй ныббар!..

Нæ зонд — цыбыр, мæгуыр —
 нæ зæрдæ,
 Æдых, фæллад лæгау, нæ дзырд...
 Фыдæн нæ дзыллæсæн сæгæр дæ,
 Æвгъау у мах хæхтæн дæ цыт!..

Дæ кад мыггагмæ у цæринаг,
 Дæ ацард — гъеныр дæр — сæдæ:
 Зæххыл дын нал баззад кæнинаг, —
 Дæ мæсыг амайын фæдæ.

ПРИВЕТ

Не благословил нас Бог,
 Не властны мы больше над своими
 головами,
 И сказать как должно не в силах мы
 Тебе, но ты прости нам это!..

Наш разум — короток, бедно наше
 сердце,
 Подобно слову бессильного,
 уставшего человека, — наше слово...
 Для нашего народа ты слишком велик,
 как отец,
 Жаль твоей славы для наших гор!..

Вечно жить твоей славе,
 Твоя жизнь и теперь ста жизням рав-
 на:
 На земле не осталось у тебя несовер-
 шенных дел, —
 Ты кончил строить твою башню.
 (Подстрочный перевод, 120)

Приведенный текст подстрочного перевода особых возражений не вызывает, хотя отдельные строки могут быть интерпретированы иначе. Например, перевод важной строки Коста Хетагу-

рова «Дое цард гъеныр дсер у соедине»: ошибочный: следовало «Твоя жизнь и теперь (даже теперь) есть сто...

Так, кому адресуются приведенные стихи?

2.1. Известный поэт и литературный критик, профессор Н.Г. Джусоев не раз возвращался к рассматриваемому стихотворению К.Л. Хетагурова. Он пришел к выводу, что в «Привете» К.Л. Хетагуров обращается к А.С. Пушкину и приводит серию аргументов в пользу этой гипотезы. Автор уверенно пишет, что «стихотворение обращено к давно умершему физически, но продолжающему жить в сердцах людей, т.е. к бессмертному. Поэт как бы отталкивается от известной формулы «Нет, весь я не умру...» [1].

2.2. Н.Г. Джусоев утверждает, что «поэт логично развивает мысли первой строфы: просит извинить свое «бессильное слово», просит, как ученик мастера» [2].

Н. Джусоев даже не заметил, в какое положение он ставит «ученика» К.Л. Хетагурова. Неужели он, прекрасный знаток осетинского языка, обращается к «мастеру» А.С. Пушкину, чтобы тот ему помог, поучил осетинскому языку?! Ведь стихотворение написано на осетинском! Так, с какой стати..?

2.3. Н. Джусоев справедливо указывает на недостатки и ошибки, допущенные переводчиками стихотворения «Салам» на русский язык. Сам он предложил свой подстрочный перевод:

Твоя слава будет жива, пока будет жив
род людской.
Твоя жизнь уже теперь равна
ста жизням.
На земле ты совершил
все славные дела

(или точнее: на земле не осталось ни одного славного дела, которого бы ты не выполнил).
Свою башню ты воздвиг.

В приведенном переводе есть неточности. Отклонения от оригинала в художественном переводе вполне обычны, для подстрочного перевода они непростительны.

Разве Коста Хетагуров говорит «о роде людском»?

Разве в оригинале стихотворения есть хотя бы отдаленный намек на «сто жизней»?

Создается впечатление, что Н. Джусоев несколько «подправляет» Коста Хетагурова, вкладывает в его уста то, что помогает ему в утверждении выдвинутой им концепции. Он уверен, что рассматриваемое стихотворение «обращено к давно умершему физически, но продолжающему жить в сердцах людей, т.е. к бессмертному» [3]. Однако текст оригинала стихотворения не дает никакого повода для подобного утверждения.

2.4. Любопытно, что первую строфу Н. Джусоев переводит так:

Не дал нам бог благословенья,
Наши головы уже не в нашей воле
И об этом достойно (хорошо) сказать
не можем
Тебе, но ты прости нам это.

Переводчики стихотворения эти строки передали по-разному, но все с ошибками. На это обратил внимание Н. Джусоев. Но как он сам понимает начало стихотворения?

Н.Г. Джусоев пишет: «Ироническая фраза о божеском благословении, повесть о неволе народа и робость за свое неумелое слово (видимо, перед большим авторитетом в искусстве сло-

ва) — вот содержание строфы, превращенной переводчиками в последнее прощание» [4].

«Салам» действительно обращено к весьма авторитетному человеку, но, как нам кажется, начало стихотворения вряд ли можно считать «иронической фразой»: содержание текста и в данном случае не дает повода для подобной оценки приведенных слов.

2.5. Н.Г. Джусоев уделяет много внимания «сходствам» между стихотворением «Салам» К.Л. Хетагурова и «Памятником» А.С. Пушкина. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» является произведением, в котором А.С. Пушкин писал о народности, гуманизме и историческом значении своего творчества» и «восходит по теме к оде Горация «К Мельпомене» [5]. Эти мысли концентрированно выражены в первой строфе:

Я памятник себе воздвиг
нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознеся выше он главою непокорной
Александрийского столпа...

И далее А.С. Пушкин перечисляет свои заслуги и свое значение.

К.Л. Хетагуров тоже обращается к живому современнику, но отнюдь не к собственной персоне. У него было свое мировосприятие, отличавшееся от пушкинского. Он обращается к человеку, который сделал так много для его народа (и для него самого), о чем будет сказано дальше.

Мы могли бы продолжить сравнение мировосприятия двух поэтов. Позволим себе сравнить «Пророк» А.С. Пушкина и «Я не пророк...» К.Л. Хетагурова.

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился...

Так начинает А.С. Пушкин свое стихотворение. Далее лирический герой перенес, говоря современным языком, операцию, и Божий глас к нему воззвал:

«Восстань, пророк, и выждь
и внимли,
Исполнишь волею моею
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

Коста Хетагуров понимает свою роль иначе и провозглашает:

Я не пророк... В безлюдную
пустыню
Я не бегу от клеветы и зла...

Поэт полон энергии и ведет непримиримую борьбу с проявлениями несправедливости, с социальными пороками. Короче,

...он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

И поэт об этом говорит прямо:

Везде для всех я песнь свою
слагаю,
Везде разврат открыто я корю
И грудью грудь насилия встречаю,
И смело всем о правде говорю...

Тем и велик Коста Хетагуров, что всю свою трудную, но яркую жизнь посвятил борьбе за счастье народа, за справедливость на земле.

2.6. Из вышесказанного Н. Джусоев сделал следующие выводы:

1) Стихотворение представляет собой приветственное слово, обращенное к бессмертному человеку в день его рождения.

2) Адресат приветственного обращения является для автора высшим авторитетом в искусстве слова.

3) Адресата посвящения автор считает отцом, другом своего народа и

столь великим человеком, что позволяет себе обращаться к нему от имени народа, чтобы поведать о горестях народа и выразить народную точку зрения на его деятельность. При этом автор подчеркивает негорское происхождение адресата.

4) В стихотворении обнаруживается переключка с основными мыслями «Памятника» А.С. Пушкина (мысли о бессмертии, о принадлежности славы поэта народу, о близости поэта к народным массам и т.д.) [6].

Автор добавил к приведенным аргументам ссылку на письмо осетинского поэта Гаппо Баеву, где К.Л. Хетагуров писал, что считал Пушкина высшим авторитетом в искусстве слова. «Поэтому нам кажется, — писал Н. Джусоев, — что только к Пушкину он мог обратиться с просьбой простить ему «бессильное слово» [7] (разрядка моя. — Т.Г.).

Н. Джусоев напоминает также свидетельство Гаппо Баева, будто выход в свет «Ирон фандыра» Коста Хетагуров приурочил к юбилею Пушкина.

2.7. Н. Джусоев делает попытку определить дату написания рассматриваемого стихотворения: не ранее 1899 и не позднее 1901 г.

3.1. Доводы Н.Г. Джусоева, оказавшегося в плену собственной концепции, не лишены интереса, однако одни из них не имеют доказательной силы, а другие представляются нерелевантными.

И к первым и ко вторым мы вернемся дальше.

4.1. Один из лучших знатоков творчества К.Л. Хетагурова, текстолог и составитель академического пятитомного издания сочинений поэта, К.Ц. Гутиев посвятил вопросу об адресате стихотворения пространные комментарии.

«На этот вопрос нет и не может быть пока ясного ответа», — писал он. «Попытки доказать, что стихи написаны к столетию со дня рождения А.С. Пушкина, основаны на умозрительных догадках, не подтверждаемых содержанием стихотворения, и не могут приниматься всерьез», — писал автор [8].

Приведённый Н.Г. Джусоевым аргумент о наличии «ста жизней» в стихотворении Коста Хетагурова является, по мнению К.Ц. Гутиева, всего лишь метафорой. «Одно только кажется нам бесспорным — стихи обращены к живому лицу», — заключает К.Ц. Гутиев (Автор полемизирует с Н.Г. Джусоевым, хотя он дипломатично его имени не называет).

К.Ц. Гутиев склонен думать, что в данном стихотворении поэт использовал известный в лирической поэзии прием — обращение к самому себе, подкрепляя свою гипотезу словами: «Стихотворение «Привет» — плод глубоких размышлений поэта над целью и смыслом жизни. В нем обобщены его раздумья о человеческом идеале, и, может быть, нет особой надобности искать адресата» [9].

4.3. Безотрадный вывод К.Ц. Гутиева может вызвать только недоумение. Трудно, просто невозможно, представить себе, что поэт обращался к собственной персоне в таких высокопарных выражениях.

4.4. К.Ц. Гутиев впоследствии изменил свою точку зрения, хотя сохранил некоторые прежние позиции. В комментариях к первому тому «Полного собрания сочинений» Коста, изданном в издательстве «Менеджер» (М., 1999), он писал: «Стихи (т.е. «Салам») являются своеобразным итогом размышлений поэта над целью и смыслом

жизни. В них обобщены его раздумья о человеческом идеале. Образ автора сливается здесь с образом героя, исполнившего свой долг перед людьми, родиной, человечеством. Адресат, по нашей версии, Вс.Ф. Миллер (1848-1913) — крупнейший деятель осетинской культуры, немец по происхождению. Все, что сказал о нем Коста в этом стихотворении, неотделимо, однако, от личности самого поэта, неотделимо от его судьбы. Предположительная дата написания — 1900 г.» [10].

Как видим, Казбек Цицкаевич настаивает на том, что рассматриваемые стихи «являются своеобразным итогом размышлений поэта над целью и смыслом жизни». Данное утверждение представляется лишенным конкретности, расплывчатым, неубедительным. Непонятной величиной остается и положение о слиянии образа автора и героя. В частных беседах мы с К.Ц. Гутиевым обсуждали этот вопрос, но каждый остался при своем мнении.

К сожалению, К.Ц. Гутиев свою «версию» не аргументировал, ограничившись лишь бесцветной констатацией: «(Миллер) крупнейший деятель осетинской культуры, немец по происхождению».

В.Ф. Миллер был, как известно, выдающимся русским ученым, исследователем русского былинного наследия, разработал основы исторической школы в фольклористике и т.п. Его биограф В.В. Богданов в своих воспоминаниях привел текст оригинального тоста профессора Московского университета И.И. Янжуля, в котором есть такие слова: «Дорогие русские друзья... Пожелаем много лет жизни и счастья нашему русскому Всеволоду. Пусть он, как и его тезка, Всеволод Большое Гнездо,

плетет, лепит и украшает большое русское гнездо... русских ученых, русских этнографов и лингвистов» [11].

4.5. Словосочетание «немец по происхождению» в комментарии К.Ц. Гутиева может только дезориентировать читателя.

Непонятным остается то, что Казбек Цицкаевич — составитель сборника, редактор и комментатор вошедших в сборник произведений Коста — включил в книгу рассматриваемое стихотворение в переводе С.Олендера, в котором есть строки, явно обращенные к ушедшему из жизни:

Ты был отцом народа, славой,
Вершины гор перерастал...

Приведенные строки не согласуются с «версией» К.Ц. Гутиева.

Несмотря на приведенные несоответствия и противоречия, имеющиеся в «версии» К.Ц. Гутиева, мы должны воздать автору должное: он назвал имя адресата стихотворения «Салам».

4.6. Гипотезы и предположения наших предшественников об адресате стихотворения «Салам» имеют вполне конструктивный заряд и приглашают к дальнейшему обсуждению проблемы.

Считаем необходимым продолжение обсуждения вполне перспективной «версии» К.Ц. Гутиева. Ниже мы попытаемся представить непротиворечивую концепцию об адресате стихотворения «Салам».

5.1. В теории познания со времен седой античности факты считаются самыми надежными свидетелями истины.

А истина, как известно, «пробный камень самой себя и лжи». Факты, эти упрямые вещи, способны подтвердить истинность поставленного под сомне-

ние, но они могут опровергнуть любое, красиво сложенное, словесное сооружение, если оно не соответствует истине. Философ Д.У. Хэмлин [12] данное положение формулирует предельно коротко: «statements are true because of the facts» [13]. Будем же и мы придерживаться фактов.

5.2. Нам необходимо сначала ответить на один важный вопрос: стихотворение «Салам» живому современнику или бессмертному мертвому посвятил Коста Хетагуров?

Поэт посвятил свое стихотворение живому современнику, оказавшему осетинскому народу великую услугу и заслужившему высокой чести — быть признанным более чем отцом.

К.Ц. Гутиев был прав в том, что адресат стихотворения «Салам» был жив во время написания данного произведения. Но он допустил непростительную ошибку, утверждая, будто этим человеком мог быть сам поэт, т.е. К.Л. Хетагуров.

В рассматриваемом стихотворении нет ни одного предложения, ни одного слова, которые могли бы подтвердить обращение Коста Хетагурова к самому себе, или же, как настойчиво внушает нам Н. Джусоев, к ушедшему из жизни, но бессмертному А.С. Пушкину.

5.3. Так, кто был тем высокочтимым современником Коста Хетагурова, будучи человеком «негорского происхождения», заслуживший своими благими делами уважение и любовь осетин?

Этим неназванным адресатом стихотворения «Салам» мог быть только Всеволод Федорович Миллер.

Из современников К.Л. Хетагурова не было ни одного человека, сделавшего для просвещения и культуры

осетинского народа столько, сколько удалось В.Ф. Миллеру.

Приведем некоторые примеры в подтверждение сказанному.

5.4. Всеволод Федорович Миллер — один из ведущих российских специалистов индоевропейского языкознания — сравнительно рано заинтересовался языком и фольклором осетин. Замечательным результатом его первых изысканий был трехтомный труд «Осетинские этюды» (1881-1887). В этой работе В.Ф. Миллер неопровержимо доказал, что осетины — прямые потомки скифо-сарматских племен. В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Эфрона, «вершине дореволюционной российской энциклопедической культуры» [14], в других изданиях мирового значения он дал исчерпывающие сведения об осетинах, их языке и обычаях, их богатой материальной и духовной культуре.

В.Ф. Миллер «сразу поднял сравнительно-историческое изучение осетинского языка на огромную высоту» и стал признанным авторитетом по осетинскому языку как в России, так и в Западной Европе [15].

Исторической заслугой В.Ф. Миллера является и то, что он записал, издал с комментариями и приступил к систематическому изучению произведений осетинского народного творчества. Особое внимание он уделил кадагам (сагам, эпическим сказаниям) о Нартах. Будучи тонким знатоком, он увидел в них уникальное наследие, их связь с легендами и бытом скифов. В.Ф. Миллер фактически заложил основы нартоведения.

Все это знал и высоко ценил Коста Хетагуров.

5.5. В своем письме от 16.07.1893 г. известный общественный деятель

Гаппо Баев сообщает Коста Хетагурову, что Миллер «занят в настоящее время составлением осетинско-русско-немецкого словаря, для которого уже собрано им более 8000 слов (с пословицами и поговорками и т.п.)». В том же письме Гаппо Баев просил Коста об издании сборника его стихотворений. По его мнению, «это было бы настоящим событием в жизни нашего народа!». Далее он замечает, что для этой цели можно было бы воспользоваться помощью Миллера, у которого был и шрифт подходящий (кстати, В.Ф. Миллер совершенствовал осетинский алфавит!), что можно было бы попросить быть цензором книги того же Миллера [16].

Позже Гаппо Баев информировал Коста Хетагурова о том, какую высокую оценку дал Миллер его сборнику. Всеволод Миллер писал: «Я прочел с большим удовольствием «Ирон фандыр». Прошу Вас поблагодарить от меня даровитого (!) автора и пожелать ему успеха на этом плодovitом поприще и т.д. Искренно приветствую Ваши предприятия на пользу ваших, симпатичных мне, соплеменников. Да будут дружны и успешны труды осетинской интеллигенции в этом благородном деле...» Сам К.Л. Хетагуров с удовольствием цитировал данное высказывание Миллера [17].

5.6. В.Ф. Миллер неоднократно посещал Осетию, побывал во многих ее ущельях, имел большой круг знакомых, которые с готовностью оказывали ему необходимую помощь. Многие молодые люди благодаря ученому получили образование. К нему обращались в трудные дни. Он принимал гостей из Кавказа у себя дома в Москве, на даче и т.п.

А вот интересная запись, сделанная Б.А. Калоевым: «Путешествуя по

Осетии, Миллер не раз останавливался в доме Кавдына Гуриева, бывшего тогда старшиной селения Даллагкау в Куртатинском ущелье, и проводил часы досуга в беседах о путях развития осетинской культуры с его родственником, известным осетинским народным учителем Иналуком Тхостовым. Кавдын питал к Миллеру чувство глубокого уважения и называл его своим другом. Через много лет старый Кавдын, предчувствуя свою близкую кончину, просил Миллера: «Если из моих сыновей кто-нибудь обратится к Вам за советом, замените им меня и их самых близких родственников и подайте им помощь» [18].

Сын старшины Кавдына, Гагудз, стал видным просветителем, автором первого учебника осетинского языка для начальной ступени, собирал и обрабатывал фольклорные произведения, принимал активное участие в работе Осетинского историко-филологического общества, организовал кружок писателей при Оспедучилище и руководил его работой. Из членов этого кружка многие (Дабе Мамсуров, Максим Цагараев, Георгий Кайтуков и другие) стали известными писателями и поэтами, общественными деятелями.

5.7. 10 апреля 1906 года В.Ф. Миллер писал Гаппо Баеву: «Вчера я вернулся из-за границы — из Италии, где я провел более месяца, и застал у себя на столе Ваше письмо с печальным известием о кончине симпатичного и талантливого осетинского поэта-самородка Коста Хетагурова. Даже при моем несовершенном знании языка я вполне оценил в «Ирон фандыр» теплоту чувств, художественность выражений и красоту стиха безвременно сошедшего в могилу поэта. Многие из

стихотворений Коста должны стать общенародным достоянием, если еще не стали таковыми...» [19].

5.8. Работая над составлением биографической справки «Всеволод Федорович Миллер» [20], мы постоянно чувствовали, сколь разнообразны были научные интересы этого талантливого, деятельного, трудолюбивого ученого. Однако нас более всего восхищало то, что, наряду с огромной административной и общественной деятельностью, он продолжал уделять пристальное внимание осетинам, их языку, истории, культуре.

Журнал «Мусульманин» (№№11-13) сообщил о проводах В.Ф. в Петербург после избрания его в Академию наук. На собрании, сообщает журнал, к нему на осетинском языке обратился студент З. к. Тургиев. К удивлению присутствовавших, В.Ф. Миллер ответил ему на осетинском.

5.9. Считаю уместным напомнить, что в течение веков горцы страдали от кавказской лихорадки, уносившей жизни многих людей. Зная это, Всеволод Федорович запасался хинином и, как он писал в работе «В горах Осетии» (1881), «раздавал всем желающим» [21].

Таковы факты. И с ними нельзя не считаться, если мы намерены дать объективный ответ на поставленный выше вопрос.

6.1. Приведенных свидетельств, кажется, вполне достаточно, чтобы показать исключительную роль В.Ф. Миллера в истории осетинского народа.

Однако остаются вопросы, требующие ответа.

7.2. Н.Г. Джусоев и К.Ц. Гутиев обратили внимание на число «сто» в стихотворении «Салам». Но его значение

в данном контексте они объясняют по-разному.

Первый связывает его со столетием А.С. Пушкина, второй считает его метафорой.

Мы хотели бы напомнить читателю одно место из Библии. В Книге книг сказано: «17... Я творю новое небо и новую землю... 19 А вы будете веселиться и радоваться во веки о том, что Я творю: ибо вот, Я творю Иерусалим веселием и народ его радостию» [22]. Есть несколько вариантов изложения данного библейского сюжета, где как раз говорится о числе «100». В одном из последних изданий Священного писания на английском языке приводятся слова Всевышнего:

«he who dies at a hundred
will be thought a mere youth;
he who fails to reach a hundred
will be considered accursed» [22].

Другими словами, — достижение столетия имеет и символический смысл: это возраст тех, кто получил благословение Бога. Если это так, то мы могли бы высказать предположение в самой осторожной форме, что стихотворение было написано в честь 50-летия В.Ф. Миллера, т.е. в 1898 году, а приведенная фраза означает: В.Ф. Миллер своими славными делами уже заслужил благословение Бога.

7.2. Стихотворение «Салам» написано на осетинском языке. Данный факт имеет определенный смысл: адресат стихотворения-послания владеет этим языком.

Деятели русской культуры (Лермонтову, Грибоедову, Чайковскому, Островскому и др.) Коста Хетагуров посвятил бессмертные строки на русском же языке. Было бы непонятно,

если бы он к названным выдающимся деятелям русской культуры обратился на... осетинском языке. Нет сомнения, что Коста Хетагуров обратился бы к А.С. Пушкину на русском, а не на осетинском языке.

8.1. И, наконец, еще одно замечание. Во всех изданиях сочинений К.Л.

Хетагурова на русском языке заглавие благодарственного стихотворения «Салам» переводится как «Привет». Семантика заглавия не вполне соответствует строгому содержанию и тональности произведения. Не лучше ли передать заглавие оригинала русским словом «Приветствие»?

1. Джусоев Н. Русские писатели в оценке Коста Хетагурова // Изв. Юго-Осетинского НИИ, вып. VII. Сталинир, 1955. С. 258.
2. Там же. С. 259.
3. Там же. С. 258; Джусоев Н. Коста Хетагуров. Сталинир, 1958. С. 178.
4. Джусоев Н. Русские писатели в оценке Коста Хетагурова // Изв. Юго-Осетинского НИИ, вып. VII. Сталинир, 1955 С. 259.
5. Цявловская Т. Примечания. = А.С. Пушкин. Сочинения в трех томах, том 1. М., 1974. С. 513.
6. Джусоев Н. Коста Хетагуров. Сталинир, 1958. С. 181-182.
7. Там же. С. 182.
8. Гутиев К.Ц. Комментарии. = Коста Хетагуров. Собрание сочинений в трех томах. Том первый. М., 1974. С.312.
9. Там же.
10. Гутиев К.Ц. Комментарии. = Коста. М., 1999. С. 717.
11. Богданов В.В. Очерк истории русской интеллигенции и русской науки // Очерки истории этнографии, фольклористики и антропологии. VII. М., 1978. С. 42-43. О работе В.В. Богданова Р.С. Липец пишет: «Особенно ценно то, что сам Богданов был не сторонним наблюдателем, а активным участником той жизни, даже одним из строителей ее. К тому же он лично общался со всеми, посещавшими дом Миллера, не говоря уже о встречах и научных обществах, учебных заведениях и пр.» (См.: Липец Р.С. К публикации главы из рукописи В.В.Богданова // Там же. С.41).
12. Рыбакин А.И. читает данное фамильное название как Хамлин (См.: Рыбакин, 1986, 214).
13. Hamlyn D.W. The Theory of Knowledge. L., 1980. P. 137.
14. Апажев М.Л. Лексикография: теория и практика. Нальчик, 2005. С. 37.
15. Абаев В.И. От редактора // Всеволод Миллер «Язык осетин». М.-Л., 1962. С. 5.
16. Коста Хетагуров. Полное собрание сочинений в пяти томах, т.5. Владикавказ, 2001. С. 26.
17. Там же. С. 291.
18. Калоев Б.А. В.Ф.Миллер — кавказовед. Орджоникидзе, 1963. С. 35.
19. НА СОИГСИ, ф. Коста Хетагурова, п.8, дело 351, л.10.
20. Всеволод Федорович Миллер (краткая биографическая справка). Владикавказ, ИПО СОИГСИ, 2008.
21. Миллер 2007, 376.
22. Библия. Книги Священного писания. 1995. С. 738.